

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК: ИЗ ТЮРЬМЫ — В ИСТОРИЮ

АВТОР: Маргарита ИВЛИЕВА

«Александр Густав Эйфель, вы приговорены к двум годам заключения и выплате штрафа в размере 20 тыс. франков за занятия денежными махинациями», — произнес судья. У Эйфеля не было сил и желания что-либо отрицать. Ведь все не так уж и страшно. Тюрьма — самое подходящее место для размышлений о бренности бытия. Так с чего же все началось? Почему его вдруг стали преследовать неудачи?

Проjekt Троицкого моста в Санкт-Петербурге отклонили, теперь Панамский канал... Кто мог предположить, что реализация этой затеи станет столь трудоемкой и дорогостоящей? Кто знал, что этот участок окажется одним из самых сложных геологических участков земной поверхности, на котором сосредоточено пять центров вулканической активности? Да еще рабочие постоянно умирают от малярии и желтой лихорадки! И журналисты, как всегда, подливают масла в огонь — пишут, что строители, приезжающие из Франции, на всякий случай везут с собой гробы.

Неужели после Эйфелевой башни он больше не сможет создать ничего оше-

ломляющего? Неужели это была кульминационная точка в его карьере? Конечно, неплохо закончить творческую деятельность таким блестящим проектом, но ведь он так мало сделал!

Обвинения в связи с Панамским каналом с Эйфеля в итоге сняли и выпустили из тюрьмы — помог очень хороший друг, премьер-министр Франции Шарль Луи Фрайсине, который некогда и сам был инженером и очень ценил творчество коллеги. К тому же они состояли в одной масонской ложе.

Творческая карьера великого инженера и архитектора начиналась, как обычно и бывает, с детских фантазий. Когда маленький Александр Густав си-

дел перед полуразрушенными замками родной Бургундии, перед его мысленным взором мелькали образы будущих проектов. Их было больше сотни, и все — непременно из железа! «Почему из железа?» — спросила мать, с упоением слушавшая фантазии своего сына. Мальчик задумался, а потом уверенно заявил: «За ним будущее, мам».

Действительно, видеть полуразрушенные каменные строения для юного мечтателя было большим мучением. Неужели средневековые архитекто-

на века, необходимо использовать железо! С его помощью можно показать людям изящество форм в соединении с новейшими технологиями.

Эйфель окончил лицей с техническим уклоном и собирался поступать в Политехническую школу. Профессия инженера по тем временам была очень перспективной, и родители будущего «мастера по стали» поддержали сына в его выборе. Да даже если бы и не поддержали, он все равно поступил бы по-своему! Упорство, упрямство, дотош-

Парижская школа искусств и ремесел сформировала стиль будущего мастера. Юноша внимательно присматривался к собору Парижской Богородицы, Латинскому кварталу, Триумфальной арке, капелле Сен-Шапель

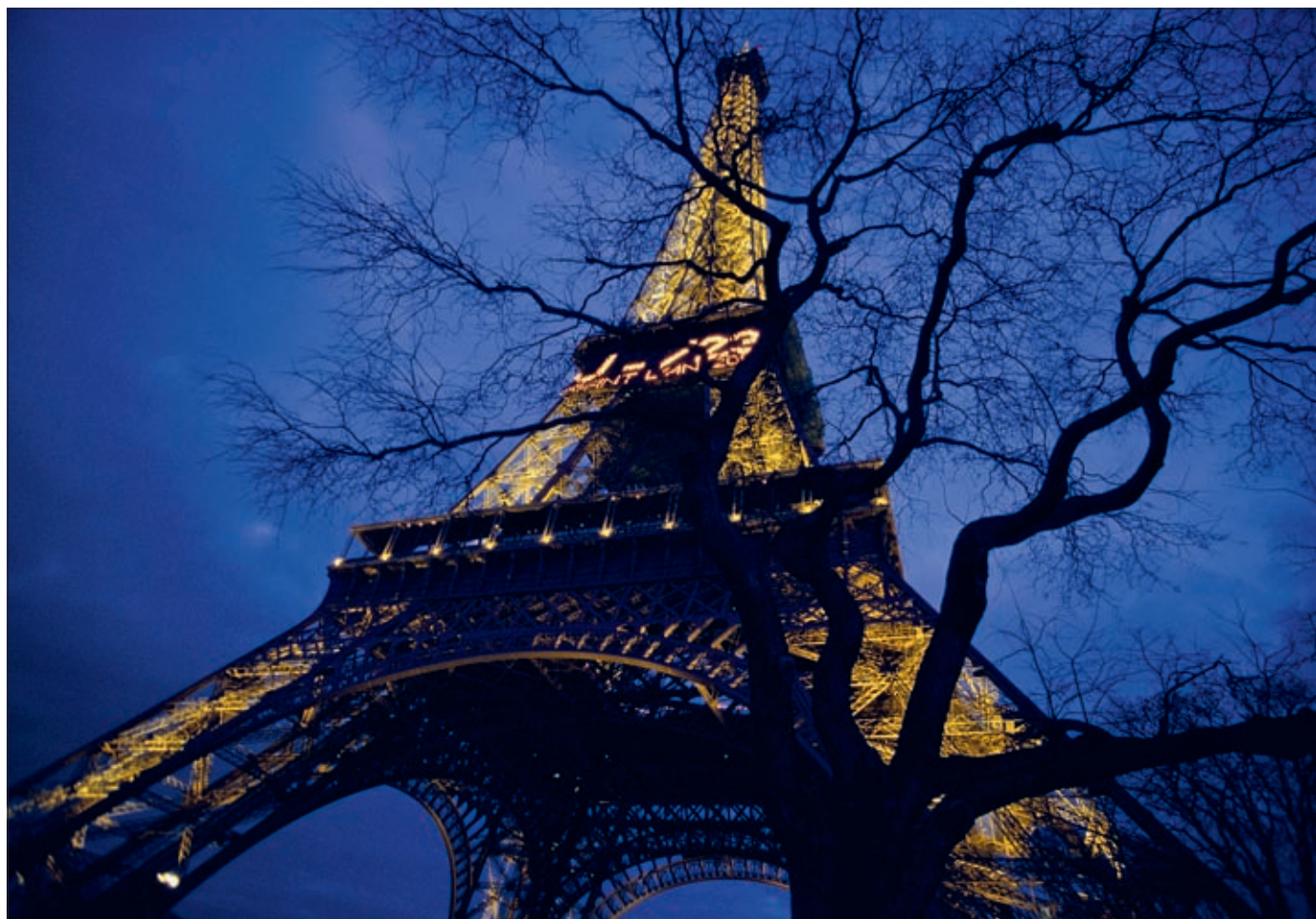
Эйфель был великолепным математиком. Так, расчеты при строительстве башни были настолько точны, что конструкция не потребовала доработки. Четыре ножки основания соединились в идеальное сооружение

ры столько трудились, создавая плотные и толстые стены, которые ни одна пушка не могла пробить, только для того, чтобы их творения были уничтожены не оружием, а природой и временем? Если он хочет, чтобы его конструкции сохранились

ность были основными чертами его характера, которые помогали доводить начатое дело до конца и не пасовать перед препятствиями.

В Политехническую школу Эйфель не поступил, провалившись на пер-

Большинство кричало: «Это не башня, а четырехногая каракатица!» Хотя не архитектор придумал такую форму – все создала сама природа. Изучая труды швейцарского профессора Германа фон Майера, Эйфель наткнулся на исследования костной структуры бедренной кости в месте, где она изгибается и входит в сустав. Она не может сломаться, так как покрыта сетью косточек со строгой структурой, благодаря чему нагрузка перераспределяется. Впоследствии Эйфель использовал этот принцип при проектировании самого известного сооружения, получившего его имя

Триста деятелей культуры подписали манифест против уродования облика Парижа. Ги де Мопассан утверждал, что обедает на Эйфелевой башне потому, что это единственное место, откуда ее не видно

вом экзамене, что ничуть не ослабило его желания быть инженером. Не поддаваясь унынию, он подал документы в Парижскую школу искусств и ремесел. Школа сформировала вкус и стиль будущего мастера. Живя в Париже, Эйфель внимательно присматривался к готическому собору Парижской Богородицы, Латинскому кварталу, Триумфальной арке, капелле Сен-Шапель. Что он чувствовал, глядя на них? Трепет, страх? Вовсе нет! Юноша гордо поднимал подбородок: «Это, конечно, восхитительно, но я могу сделать лучше!»

Окончив училище, он устроился в фирму Шарля Нево. Первые же работы представили его как великолепного математика. В 1867 году Эйфель рассчитал конструкцию для покрытия

«Галереи машин». В алгебре он всегда был очень силен. Так, например, расчеты при строительстве Эйфелевой башни были настолько точны, что не пришлось каким-либо образом дорабатывать конструкцию. Четыре ножки основания соединились в идеально ровную башню.

Неуемную творческую фантазию Эйфель смог продемонстрировать при постройке магазина Бон Марше. Это был первый универсам в Париже, который находился на левом берегу Сены. Вот уж где архитектор развернулся! Наконец-то его воображению было найдено достойное применение. Магазин сразу стал привлекать покупателей не только своими товарами, но и уникальным интерьером. Легко играя со светом, Эйфель смог сде-

лать так, что весь магазин был наполнен золотистым сиянием. Впервые мастер применил в своей работе любимое им железо.

Пользуясь его пластикой, инженер создавал фантастические и ошеломляющие формы, которые становились все более причудливыми и сложными с каждой новой работой. Окончательно Александр Густав перешел с железом на ты в 1887 году при постройке так называемого «Железного дома» в Перу. Незамысловатая конструкция, однако, требовала тщательного и дорогостоящего ухода. Экваториальные дожди быстро разъедали металл. Такой дом оказался настоящим предметом роскоши. Но красота требовала жертв. Жить в нем было совершенно невозможно. Металл очень быстро нагревался на солнце — в полуденные часы в доме нельзя было находиться.

Заслуги Эйфеля в области техники столь же велики, как и в сфере архитектуры. Об этом свидетельствует тот факт, что в возрасте 26 лет он разработал собственный метод для пневмонической установки основания моста. Детали приводились в движение с помощью сжа-

того воздуха. Мост в Бордо стал первым полноценным проектом Эйфеля, который он выиграл на конкурсе, так как смог предложить самую дешевую конструкцию. Именно мост в Бордо стал визитной карточкой Эйфеля и сделал его известным.

Еще одним техническим достижением инженера явился проект купола обсерватории в Ницце. С помощью новейших самодельных машин он заставил его двигаться. Причем в действие его приводил только один человек! Показать чудеса техники ему удалось и при сооружении статуи Свободы, которую Франция преподнесла в дар США. Эйфель проектировал железную опору и промежуточный каркас, позволяющий медной оболочке статуи двигаться свободно в вертикальном положении.

Параллельно со своими выдающимися работами Эйфель строил мосты и железнодорожные вокзалы. В 70-х годах XIX века он исколесил почти весь мир, участвуя в различных проектах и оттачивая свое мастерство. Внезапно свалившаяся слава должна была отрицательно сказаться на его характере и об-

Чудеса техники Эйфель продемонстрировал при сооружении статуи Свободы. Он спроектировал железную опору и промежуточный каркас, позволяющий оболочке статуи двигаться свободно в вертикальном положении

Незамысловатая конструкция «Железного дома» в Перу требовала дорогостоящего ухода. Экваториальные дожди быстро разъедали металл. Жить в нем было совершенно невозможно

разе жизни, но Эйфель оставался тем же славным малым.

Даже всеобщее признание было не так важно для него, как уютный дом, любящая жена и крепкая семья. Простое человеческое счастье заключалось в том, чтобы находиться рядом с любимым человеком. В 1858 году он женился на дочери своего поставщика, 17-летней Марии Годеле, которая

разительный успех? Ведь «Железный дом» в Перу или «Воздушный мост» в Латвии вполне способны соперничать с ней. Во-первых, на тот момент это была самая высокая башня в мире (324 м). Во-вторых, ни одно архитектурное сооружение не вызывало столько жарких споров. Как ее только ни называли: и «отвратительной колонной из железа», и «громоотводом», и «бесплезным, чу-

«Господину Эйфелю, инженеру, отважному строителю огромного и необыкновенного творения от того, кто очень уважает и восхищается всеми инженерами, включая великого инженера Господа Бога. Томас Эдисон»

подарила ему пятерых детей. К несчастью, она умерла от пневмонии, так и не увидев ни башню своего мужа, ни купол обсерватории в Ницце, ни статую Свободы. После ее смерти Эйфель больше не женился.

Из всех творений великого инженера Эйфелева башня считается самым главным достижением. В чем ее тайна, ее по-

довищным сооружением». Список эпитетов можно продолжать.

Образовался даже целый союз из 300 деятелей культуры, которые написали знаменитый манифест против уродования облика Парижа. Самыми яркими противниками башни стали Ги де Мопассан, Александр Дюма-сын, Шарль Гарнье. Ходили даже слухи, что мно-

гие из этих деятелей культуры после постройки башни уехали из Парижа. Одно дело, когда народ осуждает проект, но когда к ним присоединяются известные люди — это становится невыносимо. Тот же Мопассан утверждал, что обещает на Эйфелевой башне только потому, что это единственное место, откуда ее не видно.

Недолго думая, Эйфель ответил на протесты оригинальным и необычным способом. Он написал трехтомник о пользе башни, о том, какие перспективы открываются человечеству, какие опыты можно было бы проводить на ней. В любом случае все протесты были лишь отличной рекламой. За один год ее посетили около 600 тыс. человек, что покрыло три четверти расходов на строительство.

Как-то раз башню посетил и Томас Эдисон. Вот что он написал в гостевой книге: «Господину Эйфелю, инженеру, отважному строителю огромного и необыкновенного творения современного инженерного искусства от того, кто очень уважает и восхищается всеми инженерами, включая великого инженера Господа Бога. Томас

Эдисон». Такая записка однозначно была очень лестной для Александра Густава. Наверное, только Эдисон смог оценить весь масштаб его работы.

А большинство кричало: «Четырехногая каракатица!» Хотя не он же придумал такую форму — все создала сама природа. Изучая труды швейцарского профессора Германа фон Майера, Эйфель наткнулся на исследования костной структуры бедренной кости в месте, где она изгибается и входит в сустав. Она не может сломаться, так как покрыта сетью косточек со строгой структурой, благодаря чему нагрузка перераспределяется. Впоследствии архитектор использовал этот принцип при проектировании самого известного сооружения, получившего его имя.

Башню возвели к Всемирной выставке 1889 года, а после «железную даму» намеревались снести, но передумали. Все-таки ее популярность оставалась колоссальной. Эйфелева башня (сам автор называл ее просто «300-метровая башня») стала апогеем творчества Александра Густава, соединив в себе основные идеи и вкусы автора и принеся ему мировую славу. **ДН**

В 1875 году в конкурсе на проект самого дешевого варианта моста через реку Дору в Португалии победил вариант Густава Эйфеля. Названный в честь жены короля Луиша I Марии Пиа, Понте-де-Дона-Мария-Пиа соединяет два города – Порту и Вила-Нова-ди-Гая. Строительство позволило сократить расстояние между городами на 12 км, а сам мост в течение семи лет удерживал первое место в мире по наибольшей длине пролета.